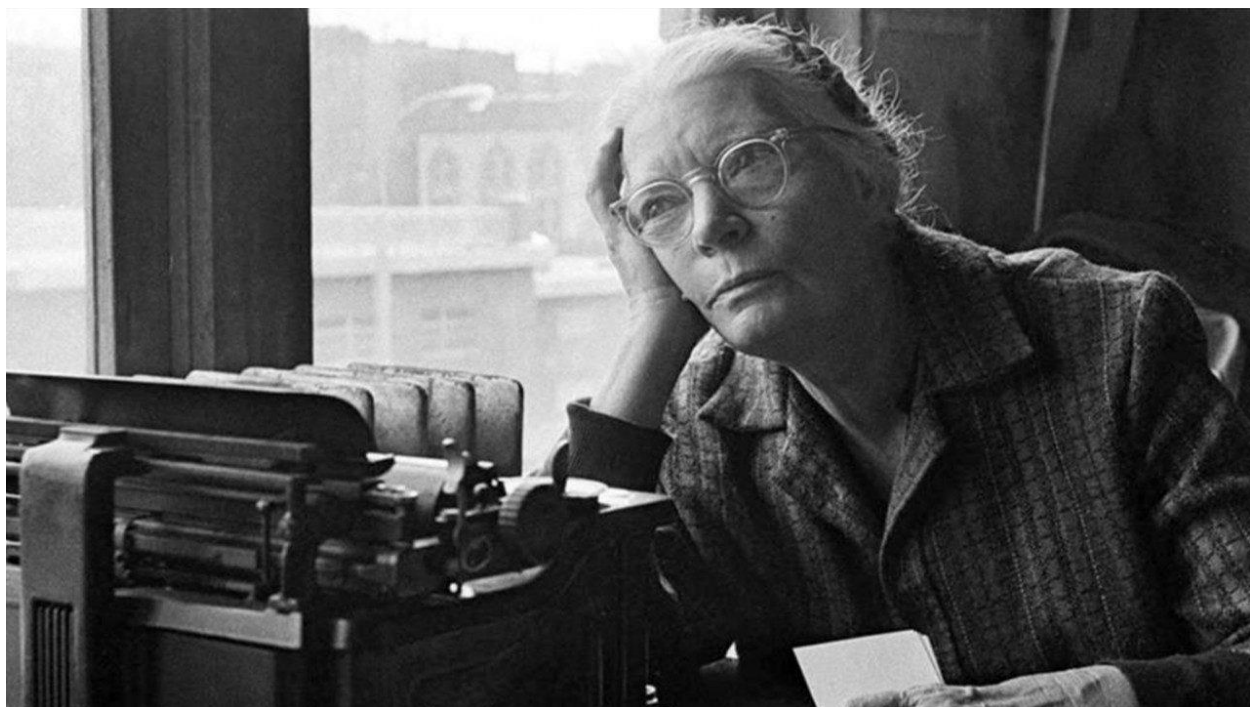

ДОРОТИ ДЭЙ: ВСЕОБЩЕЕ ПРИЗВАНИЕ К СВЯТОСТИ

Дороти Дэй стала предвестницей и энтузиасткой Второго Ватиканского собора. Её особенно интересовала роль мирян в Церкви, поэтому она подчёркивала невероятно актуальную идею всеобщего призвания к святости. Задолго до Собора Дороти писала о священстве мирян, их бытии «вторым Христом» (*alter Christus*). Она также раскрывала тему призвания к святости, достоинства, способности приносить жертвы и освящения мирян, а также сакраментальности всей мирской жизни. Опираясь на авторитет святого Фомы Аквинского, Дэй напоминала, что совершенная любовь — суть святости. Она писала о значении евангельских советов и заповедей в жизни мирян, а также о вечной угрозе манихейских и янсенистских течений в обществе, с подозрением относившихся к материи, человеческому телу и даже браку.

Слуга Божья читала книгу Норберта Робишо «Holiness for All» («Святость для всех»), которая укрепила её стремление синтезировать духовное и материальное.

Доступна ли святость для мирян?

Обращённая в католичество, Дэй называла некоторых своих сотрудников в возглавляемом ею движении «Католический рабочий» святыми и спрашивала: почему нельзя создать общество, где быть святым было бы легче, раз человек смог высадиться на Луне? Дороти обладала тонким церковным чутьём, заметив святость в жизни Франца Егерштеттера — бунтаря с внебрачным ребёнком, который позднее, в одиночном противостоянии нацизму по велению совести, принял мученичество. В контексте его судьбы она приводила анекдот о ректоре семинарии во Франции, говорившем семинаристам: *«Молюсь, чтобы вы все были святыми, но не канонизированными — процесс слишком дорог»*. С этим Дороти не соглашалась, утверждая, что святые на алтарях для публичного почитания нужны как примеры и заступники. Дороти Дэй была убеждена: святость — единственная ценность в мире, к которой стоит стремиться. Она повторяла за Леоном Блуа: *«Есть лишь одна печаль — не быть святым»*.

По её мнению, величайшей трагедией было то, что слишком мало христиан желали святости. Она же желала её всей душой. Святость Дэй видела в естественной и сверхъестественной любви, следуя принципу: благодать строится на природе. Её духовным оружием на этом пути стали тяжёлый труд, жертвенность, самодисциплина, терпение и молитва. Она сетовала, что Церковь требует от мирян лишь минимума, критикуя её за представление «советов совершенства» (counsels of perfection) как норм человеческого поведения. В 1943 году, временно отстранившись от активности, Дэй стремилась посвятить себя любви, страданию, труду, молчанию, жизни с бедными и молитве. Она верила: ничего не достичь без святых, чьё единственное оружие — молитва и покаяние. Поэтому искала жизнь сокровенную.

Вернувшись к активной работе, она, вероятно, ближе приняла слова Фултона Шина: *«Святой — тот, кто научился облагораживать, одухотворять и освящать всё в мире, превращая каждое действие в молитву»*.

Отношение Дороти к канонизированным святым

Дороти Дэй восхищалась святыми Церкви. Интерес к ним и мученикам пробудился в детстве — благодаря дружбе с юной католичкой. Это отразилось в описании судьбы маленькой Джун в её романе «The Eleventh Virgin» («Одиннадцатая Дева»). Ноябрь для Дороти был месяцем памяти усопших, а также канонизированных и непризнанных святых, которых, по её мнению, несомненно, гораздо больше. В её записях сохранились упоминания, как она учила внуков наряжаться святыми в Хэллоуин — канун Дня всех святых.

Слуга Божья ежедневно читала о святых дня из «Словаря святых» Дональда Эттуотера. К житиям святых Дороти относилась критически, считая, что их писали так, будто те не жили на земле. Подлинный образ святых открывался ей лишь через их собственные сочинения. Важным событием, к которому она

возвращалась в воспоминаниях, стала канонизация Елизаветы Энн Сетон в 1975 году.

Дороти часто в письмах записывала имя святого покровителя дня рядом с датой, как, например, 10 февраля 1943 года: «святая Схоластика». Её почтение к святым не означало отсутствия критики. Она писала, что Господь формирует святых Своим образом, сохраняя их от того, чтобы быть привлекательными, – чтобы мы не стремились опираться на них, «кладя голову на их плечи», но уповали лишь на Него.

Она осознавала, что святая Екатерина поддерживала крестовые походы, считая, что лучше победить врагов, чем ссориться между собой; знала, что Тереза от Иисуса принимала деньги из завоёванной Америки, отнятые у местного населения. В таких случаях она повторяла слова одного из духовных наставников: *можно отправиться даже в ад, копируя недостатки святых.*

Значение святости в социальном контексте и истории

Тем не менее, святые укрепляли её веру в Церковь. Дороти обрела Господа в церковных стенах и Таинствах, дарующих жизнь и силу — несмотря на скучные проповеди, невнятное бормотание латинских молитв, воскресных прихожан-формалистов, пропасть между мирянами и клиром. Даже презрительное отношение духовенства к простым верующим и умаление монашествующими святости брачного союза не поколебали её веры. Дороти не разочаровалась в святой Матери Церкви, но лишь в её человеческом элементе.

Она осознавала, что, слава Богу, в Церкви всегда есть святые. В рабочем движении она видела много неизвестных святых, которые страдали и умирали, стремясь к справедливости для своих собратьев. Хотя история Церкви знала испорченных пап и епископов, святые напоминали ей о духовном первенстве. *«Неважно, насколько скомпрометирована порой бывает Церковь, — писала она, — она несёт в себе семена собственного возрождения, особенно в Таинствах».* Питер Маурин учил её смотреть на историю через примеры святых, а не с точки зрения возникновения и падения великих держав. Он был убеждён, что святость имеет реальное значение, а каждый социальный проект должен подчёркивать её важность. Даже в упадке Церкви он сравнивал отрицательную оценку человеческой природы с описанием солнца во время затмения или увядающего цветка. Поэтому, хотя ситуация в мире с точки зрения сверхъестественного была катастрофически пугающей, по мнению Слуги Божьей, негативная оценка человеческой природы на фоне упадка так же неверна, как попытка описать солнце во время затмения или цветков, когда он увядает.

Мера святости — близость и уподобление Христу

Принято смотреть на людей, какими они являются после первородного греха, а не какими они могут быть силой Воскресения и Вознесения Господа.

Дороти Дэй много писала о духовном развитии на пути святости. В книге «Тереза» Дороти Дэй изображала героические усилия — Тереза Лизьё проводила по семь часов в день в молитве, трудилась физически, постилась. В то же время она утверждала, что в состоянии благодати все — святые, — именно так апостол Павел обращался ко всем христианам. Мера святости, по её мнению, — близость и уподобление Христу. *«Быть святым — значит любить всех, отдать всё и видеть Иисуса во всех»*, — писала она, призывая к «героизму прощения».

Стремление к святости

Из пережитых духовных упражнений Дороти Дэй вынесла убеждение, что Небеса начинаются с Крещения и действия сверхъестественной благодати. В уже упомянутой книге Норберта Робишо «Holiness for All» она прочитала, что дар быть чадом Божиим через Крещение закладывает начало возрастания в благодати. Человеку дано культивировать божественную жизнь, не отрицая радостей естественных даров. Бог даёт человеку естественное счастье, чтобы это помогло возрасть в любви к Богу. Слуга Божия подчёркивала необходимость избегать грехов, смертных и повседневных, которые рождаются из отсутствия любви к Богу. Она стремилась устранить в себе все корни греха, понимая, что после первородного греха в человеке царит беспорядок. Лекарство от этого — наполнение благодатью Божией и действия из сверхъестественных побуждений. Таким образом, **с помощью Таинств, особенно Исповеди, можно расти в святости.**

Программа святости Дороти Дэй

Для Дороти жизненным ориентиром на пути к святости стала Нагорная проповедь, особенно евангельские заповеди блаженства. Её цель заключалась не просто в выборе добра и отвержении зла, а в непрерывном стремлении к высшему. Ради этого «высшего» она готова была жертвовать даже тем, что само по себе является добром, ибо грехом считала обращение к творению (пусть и благому) в ущерб Богу. На этом пути ключевым было наполнение Божественной любовью и обучение совершению всех действий из любви к Богу. В её программу гармонично вписалась идея синтеза святого и революционера: живя в добровольной нищете, такой человек влечёт других своим примером, тем самым преображая мир. Дороти осознавала, что в глазах общества подобная святость граничит с безумием — подобно тому, как Дон Кихот Сервантеса или князь Мышкин из «Идиота» Достоевского воспринимались как безумцы. Сама же Дэй жаждала этого «безумия радикализма» — безкомпромиссного устремления к святости, где каждое решение становится молитвой, а каждое действие — шагом к освящению мира.

«Святость — не роскошь для избранных, а простая обязанность каждого христианина», — писала она, перекликаясь с мыслью Достоевского о *«красоте, что спасёт мир»*.

Фото к статье с сайта Vatican News: Дороти Дэй (Dorothy Day, 1897–1980).